

ФИНЛЯНДСКІЙ И ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЫ ¹⁾.

Изъ писемъ къ профессору Д. В. Цвѣтаеву.

1. Два письма К. И. Якубова ²⁾.

I

Гельсингфорсъ, 21 февраля 1891.

Глубокоуважаемый Дмитрій Владимировичъ.

Премного благодаренъ вамъ за книгу и письмо. Съ удовольствіемъ ознакомился съ диссертацией и отъ души поздравляю васъ съ

¹⁾ Бывшій профессоръ Русской исторіи Варшавскаго университета Дм. Вл. Цвѣтаевъ предоставилъ въ распоряженіе „Русскаго Архива“ нѣсколько писемъ къ нему различныхъ (уже скончавшихся) ученыхъ, правительственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Помѣщаемъ часть писемъ К. И. Якубова, Н. И. Бобрікова и И. П. Корнилова, касающихся обсуждаемыхъ нынѣ Русско-финляндскихъ и Польскихъ дѣлъ. П. Б.

²⁾ По окончаніи С. Петербургскаго Историко-Филологическаго института, Константинъ Ивановичъ Якубовъ (+1900 г.) служилъ преподавателемъ въ Гельсингфорской Русской гимназій. Уроженецъ Финляндіи, онъ зналъ Финскій, Шведскій и Датскій языки и принялся за изученіе Финляндской исторіи. Его основательныя и энергичныя статьи объ отношеніяхъ между Финляндіей и Россіей, помѣщавшіяся преимущественно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, обращали на себя большое вниманіе; статьи обыкновенно безъ подписей или подъ псевдонимами; перечень ихъ приложенъ къ III-му тому „Финляндской окранны Россіи“ (Спб., 1897). Имъ составленъ также „Сборникъ“ основныхъ законовъ Финляндіи. Ему принадлежатъ „Русскія рукописи Стокгольмскаго государственнаго архива“ (М., 1891). Свою магистерскую диссертацию онъ готовилъ по исторіи сношеній Россіи и Швеціи въ первой половинѣ XVII вѣка, стави центромъ работы Столбовскій договоръ, и успѣлъ выпустить только приложенія къ изслѣдованію, подъ заглавіемъ: „Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ и Шведскаго Государственнаго Архива и касающихся взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ 1616—1651 гг., съ предисловіемъ, примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ.“ (М., 1897 г., IX+493 стран.). Для архивныхъ занятій К. И. Якубовъ пріѣзжалъ въ Москву на каникулы.

вполнѣ заслуженной докторской степенью *). Очень радъ буду и впредь, при дальнѣйшихъ вашихъ изслѣдованіяхъ, если понадобится, оказать посильное содѣйствіе по части Шведско-датскихъ источниковъ и пособій.

А у меня дѣло съ магистерской диссертацией все затягивается. По возвращеніи изъ Москвы у меня опять много времени отняла Финляндская „конституція“. Такъ какъ я этимъ вопросомъ занимался раньше и довольно близко ознакомился съ нимъ, то генералъ-губернаторъ предложилъ мнѣ быть дѣлопроизводителемъ собравшагося здѣсь въ Октябрѣ подъ его предѣдательствомъ особаго комитета изъ Финляндскихъ сенаторовъ и трехъ Петербургскихъ чиновниковъ, командированныхъ Министерствомъ Юстиціи и Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ. Комитетъ этотъ обсуждалъ составленный Финляндцами проектъ кодификаціи Финляндскихъ „основныхъ законовъ“, т. е. конституціи. Подъ видомъ кодификаціи Финляндцы стараются провести никогда въ сущности Русскимъ правительствомъ не признаванную и совершенно невозможную съ Русской точки зрѣнія Шведскую конституцію 1772—1789 гг. Этому-то замыслу и вмѣстѣ съ нимъ и всѣмъ Финляндскимъ притязаніямъ на государственность и необходимо положить конецъ. Министерство Юстиціи и Кодификаціонный Отдѣлъ, ознакомившись съ вопросомъ по моимъ переводамъ и по составленному мною Сборнику законодательныхъ актовъ, на которые ссылаются Финляндскіе политики, дали отзывы, совсѣмъ отвергающіе помянутыя притязанія. Въ комитетѣ много, конечно, было споровъ объ этомъ, такъ какъ Финляндцы пока не уступаютъ и упрямо держатся за Шведскую конституцію. Засѣданія комитета закончились уже въ Ноябрьѣ, но мнѣ пришлось возиться съ протоколомъ еще около двухъ мѣсяцевъ. Отсюда дѣло со всѣми документами пойдетъ въ Петербургъ и тамъ будетъ рѣшено окончательно.

Эти занятія отвлекли меня отъ окончанія диссертации и отъ устнаго (магистерскаго) экзамена, который я хотѣлъ было держать....

Еслибъ удалось перейти на службу въ Москву, то и диссертацию скорѣе бы окончилъ, и дальше можно бы было работать въ Архивѣ. Но пока о переводѣ все еще ничего не слышно, хотя попечитель (которому я подалъ прошеніе черезъ В. А. Грингмута, вѣроятно, вамъ извѣстнаго) обѣщаль передъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы предоста- вить мнѣ первую же открывшуюся вакансію.

*) Докторская диссертация Д. В. Цвѣтаева „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Историческое изслѣдованіе“. Москва, 1890 г., VIII+782 стр. Докторскій диспутъ былъ въ Харьковскомъ университетѣ въ Сентябрь 1890 года.

Душевно желаю вамъ всего лучшаго. Кланяюсь супругѣ вашей. Преданный вамъ К. Якубовъ.

2.

Гельсингфорсъ, 18 Апрѣля 1893 г.

...Моя работа съ лѣта до лѣта, какъ и прежде, отдыхаетъ. Здѣсь совсѣмъ неудобно заниматься. Сборникъ уже можно бы давно выпустить, но мнѣ хочется сперва самому воспользоваться напечатанными въ немъ матеріалами, а потомъ уже предоставить другимъ. А то Форстенъ, напримѣръ, съ большимъ удобствомъ могъ бы воспользоваться (въ своей послѣдней работѣ) и оставить мнѣ только крошки подбирать. У него много промаховъ, главнымъ образомъ потому, что онъ Русскихъ документовъ не знаетъ, да и съ литературой недостаточно знакомъ.

Кромѣ неудобства заниматься здѣсь, меня все по-прежнему отвлекаютъ еще Финляндскія дѣла. Кромѣ сотрудничества въ „М. Вѣд.“, въ эту зиму, какъ и въ прошлую, пришлось писать разныя записки для генераль-губернатора и изобличать и опровергать въ нихъ Финляндскихъ дѣльцовъ и ихъ притязанія. Одну такую записку гр. Гейденъ внесъ въ Январѣ мѣсяцѣ въ учрежденное по Высочайшему повелѣнію Особое Совѣщаніе для обсужденія вопроса о Финляндскихъ привиллегіяхъ. Три Финляндскихъ генерала (министръ статсъ-секретарь съ помощникомъ своимъ и одинъ сенаторъ), состоящіе членами совѣщанія, написали два возраженія на записку, съ обычными подтасовками и извращеніями, на старую тему о томъ, что Финляндія-де особое государство, и Русскій Монархъ въ немъ лишь безправный и безвластный „великій князь“ и т. д. И вотъ теперь какъ разъ сижу опять уже около трехъ недѣль и составляю отвѣтъ на эти Финляндскія возраженія.

Какъ это ни странно, но у Русской власти, при наступленіи нужды, не оказалось Русскихъ людей, знакомыхъ съ Финляндской исторіей, политической литературой и законами*), и вотъ мнѣ, человѣку постороннему, совсѣмъ не канцелярскому и не юристу, приходится уже нѣсколько лѣтъ возиться съ этимъ дѣломъ. По просьбѣ гр. Гейдена я сталъ заниматься этимъ года четыре тому назадъ, составилъ Сборникъ такъ называемыхъ Финляндскихъ основныхъ законовъ, переводилъ и излагалъ труды Финляндскаго кодификаціоннаго комитета, писалъ на нихъ замѣчанія и т. д. Лично мнѣ отъ этого ничего, кромѣ непріятностей да отвлеченія отъ научныхъ занятій, нѣтъ, да и впредь не предвидится. Но дѣло-то великое, и разъ уже взялся, то нужно вести.

*) Я. К. Гротъ нѣкогда читавшій по шведски Русскую исторію въ Гельсингфорскомъ университетѣ, былъ призванъ императоромъ Александромъ III-мъ для сличенія Шведскаго перевода съ Русскою законодательною бумагою. Обнаружилась наглая подтасовка, облегчавшая возможность кривотолковъ. П. Б.

II. Письмо Финляндскаго генераль-губернатора Николая Ивановича Бобрикова.

Гельсингфорсъ, 12 Октября (1903 г.)

Милостивый государь Дмитрій Владимировичъ.

Возвратясь въ Гельсингфорсъ, нашелъ здѣсь ваше письмо отъ 17 Сентября. Приношу вашему превосходительству сердечную признательность за сочувствіе къ моей дѣятельности въ Финляндіи. Сочувствіе истинно Русскихъ людей поддерживаетъ во мнѣ энергію и облегчаетъ постоянную борьбу съ мѣстнымъ сепаратизмомъ.

Долготерпѣніе и трудъ, надѣюсь, все перетрутъ. На политическомъ здѣсь горизонтѣ есть маленькій разсвѣтъ. Отъ твердой системы и впредь не отступлю ни на одну іоту.

Искренне вамъ преданный и всегда готовый къ вашимъ услугамъ

Н. Бобриковъ.

Р. С. „Обрусѣніе западныхъ Европейцевъ въ Московскомъ государствѣ“ получилъ съ глубочайшею признательностію. Успѣлъ пробѣжать этотъ трудъ и постараюсь извлечь изъ него практическую для себя пользу.

Упомянутый трудъ—отпечатанный докладъ, читанный проф. Д. В. Цвѣтаевымъ 21 Мая 1903 г. въ Варшавскомъ Русскомъ кружкѣ; подробно данный предметъ изслѣдованъ въ 5-й главѣ указанной выше его докторской диссертациі.

III. Письма И. П. Корнилова*).

1.

Глубокопочитаемый Дмитрій Владимировичъ.

Крайне вамъ признателенъ за то, что вы изволили обратить благосклонное вниманіе на I-й томъ „Сборника матеріаловъ для исторіи

*) Иванъ Петровичъ Корниловъ († 1901 г.)—бывшій попечитель Виленскаго Учебнаго Округа, затѣмъ членъ Совѣта министра народнаго просвѣщенія и почетный опекунъ, нѣсколько лѣтъ состоявшій и предсѣдателемъ Славянскаго благотворительнаго общества. Вильна ему обязана основаніемъ отдѣленія Географическаго общества, устройствомъ публичной бібліотеки, архива, онъ создалъ въ Округѣ болѣе 1000 народныхъ училищъ и т. п. Изъ ученыхъ и публицистическихъ его трудовъ наиболѣе извѣстны: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ Архива Мпнистерства Народнаго Просвѣщенія. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ, 1783—1807 гг.“, три большихъ тома (Спб., 1893—1898; выпускъ первый 4-го тома вышелъ послѣ его смерти, Спб. 1902 г.); „Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Матеріалы для исторіи Виленскаго Учебнаго Округа“ (Спб., 1901; второе дополнен. издан. 1908 г.); „Путевыя замѣтки“ (1894—1895); „Очеркъ исторіи Русской школы. Ея современное состояніе и на какихъ незыблемыхъ началахъ она должна быть утверждена“ (Спб., 1901); „Задача Русскаго просвѣщенія въ его прошломъ и настоящемъ. Сборникъ статей“ (Спб. 1902), и др.

просвѣщенія въ Россіи“ и поручили рассмотретьъ эту книгу *) и представить вашъ письменный о ней отзывъ. Я уже приступилъ къ собиранію матеріаловъ для 2-го тома, и мнѣ желательно бы ознакомиться съ замѣчаніями, какія будутъ сдѣланы на I-й томъ, чтобы воспользоваться ими. Въ отобранныхъ для 2-го тома документахъ очень много любопытнаго.

Вообще, въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія хранятся превосходные матеріалы для культурной исторіи Россіи съ 1782 года. Очень жаль, что Архивъ еще не пересмотрѣнъ ученымъ образомъ. Давно бы слѣдовало сдѣлать то, что дѣлается для Синодскаго архива: издать описи дѣламъ. Документы, помѣщенные въ моемъ Сборникѣ, даютъ только слабое понятіе о дѣятельности Екатерининской училищной комиссіи и о высокомъ интересѣ тѣхъ матеріаловъ, которые хранятся въ министерскомъ архивѣ. Эти документы открыли бы, какое руководящее, непосредственное участіе принимала Екатерина II въ Русскомъ народномъ образованіи и какъ она строго наблюдала, чтобы учрежденная ею въ Петербургѣ Управа Нѣмецкихъ училищъ не нарушала ея государственныхъ постановленій объ училищахъ и не выходила изъ повиновенія Комиссіи объ училищахъ. Послѣ Екатерины ея твердая государственная политика по отношенію къ народному образованію пошла прахомъ и замѣнилась политикою „великодушныхъ“ уступокъ Польскимъ и Нѣмецкимъ партіямъ. Послѣднія получили съ тѣхъ поръ никогда небывалую силу и значеніе во внутренней и внѣшней политикѣ Россіи.

За ученую разработку исторіи народнаго образованія въ Россіи съ 1782 года у насъ еще почти не принимались, и матеріалы для этой исторіи спять пока еще непробуднымъ сномъ въ архивахъ. Жаль, что не десятью годями ранѣе я принялся за архивную работу. Теперь она мнѣ не подъ силу, и трудно мнѣ ее продолжать. Далъ бы Богъ мнѣ напечатать 2-й томъ, а объ изданіи 3-го тома я не смѣю и думать. Жаль, если дѣло остановится послѣ меня.

Слѣдовало бы, не откладывая, тотчасъ же приступить къ пересмотру и изданію журналовъ и дѣлъ Училищной комиссіи. Въ нихъ Екатерина II выступаетъ въ особенно привлекательномъ, симпатичномъ свѣтѣ. Она входила въ малѣйшія подробности училищнаго дѣла и при готовленіи къ нему исполнителей, внимательно просматривала и исправ-

*) Одному изъ своихъ студентовъ-спеціалистовъ. Проф. Д. В. Цвѣтаевъ имѣлъ обычай пріучать ихъ, подъ своимъ руководствомъ, къ составленію также ученыхъ рецензій на новыя книги по Русской исторіи.

ляла приготовлявшіеся для печати учебники, наставленія учителямъ и учащимся, сама даже писала учебники; словомъ, она управляла устройствомъ народнаго образованія; Завадовскій, Янкевичъ-де-Мириево и другіе были простыми исполнителями ея приказаній. Екатерина вывела народное образованіе изъ того неустроеннаго хаотическаго состоянія, въ какомъ оно находилось въ Имперіи до 1782 года, и положила начало системѣ народныхъ училищъ подъ руками правительства.

Примите, душевно-почитаемый Дмитрій Владимировичъ, увѣреніе въ отличномъ къ вамъ почтеніи и преданности. Иванъ Корниловъ.

(С.-Петербургъ), 10-го Февраля 1894 г.

2.

Примите душевную признательность за благосклонное письмо ко мнѣ еще 14 Іюня, изъ Ойцова, Кѣлецкой губерніи, полученное тому назадъ четыре дня. Очень благодарю за то, что вы изволили обратить вниманіе на 1-й томъ „Сборника документовъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“ и за то, что, по вашему указанію, онъ послужилъ матеріаломъ для ученыхъ трудовъ вашихъ слушателей. Тема для изслѣдованія, вами предложенная, крайне любопытна, и я съ особеннымъ интересомъ прочту статью и отчетъ, если они появятся въ печати.

Въ концѣ этого года будетъ напечатанъ 2-й томъ „Сборника“. Въ немъ будетъ: первый отчетъ Чарторыйскаго и другіе матеріалы за первые три года его управленія Виленскимъ Учебнымъ Округомъ. Въ предисловіи къ этому тому, для нравственной характеристики Чарторыйскаго, я воспользовался въ высокой степени любопытными воспоминаніями его, напечатанными въ 1887 году въ Парижѣ, въ двухъ томахъ, на Французскомъ языкѣ, а въ дополненіе приведу выдержки изъ Записокъ почти его современника, митрополита Іосифа Сѣмашки. Сопоставленіе показаній этихъ двухъ авторитетныхъ представителей двухъ діаметрально-противоположныхъ церковныхъ, національныхъ и государственныхъ началъ очень поучительно.

Просматривая историческіе матеріалы царствованія Павла Петровича и Александра Павловича, удивляешься, какъ мало было тогда (да и теперь немного) въ высшемъ Русскомъ обществѣ политическаго смысла и дальновидности. Легко было тогда разнымъ Чарторыйскимъ, Меттернихамъ и другимъ подобнымъ господамъ дурачить насъ и пользоваться нами для своихъ цѣлей.

При Московскихъ государяхъ наши бородатые бояре и думные дьяки умѣли оберегать и отстаивать достоинство и интересы Русскаго государства. Но послѣ Петра Великаго и Екатерины II-й потомки

этихъ бояръ и думныхъ дьяковъ, переодѣтые въ Нѣмецкіе камзолы, слишкомъ безтолково подчинились вліянію западной культуры и до того порвали духовныя связи съ своимъ народомъ, до того утратили смыслъ и пониманіе разумныхъ основъ Русской жизни и государственныхъ и народныхъ интересовъ, что стали гордиться отступничествомъ отъ всего родного, стали безсознательно вредить Россіи и служить ея врагамъ. Эти наши легкомысленные и самонадѣянные западники раззорили Россію и оставили ей въ наслѣдство всякіе, ими жи созданные, Польскіе, Остзейскіе, Финляндскіе и другіе вопросы, надъ которыми мы ломаемъ теперь головы.

Меня глубоко радуеть, что въ Варшавскомъ Университетѣ, подъ вашимъ ученымъ руководствомъ, готовится школа Русскихъ историковъ, которые будутъ заниматься западною Русскою исторіею и сношеніями Россіи съ западными Европейскими государствами и народами. Такое направленіе нашихъ историческихъ работъ имѣеть, особенно въ настоящее время, самое существенное, жизненное для насъ значеніе. Русскіе историки занимались до сихъ поръ, преимущественно, историческими темами по исторіи Московской, Восточной Руси. Исторіею Западной, Литовской Руси и Польши стали мы заниматься, сравнительно, очень недавно. Много потрудился на этомъ поприщѣ М. О. Кояловичъ, и тѣмъ оказалъ въ шестидесятыхъ годахъ большую услугу Русскому обществу, сбитому тогда съ толку Поляками и Русскими эмигрантами и домашними либеральными болтунами, изображавшими Русскихъ—тиранами, а Поляковъ—нашими несчастными жертвами.

Заранѣе благодарю васъ, глубокопочитаемый Дмитрій Владимировичъ, за обѣцанный вами экземпляръ историческаго изслѣдованія о пребываніи царя Василія Ивановича Шуйскаго въ Польшѣ*).

Послѣ завтра я отправляюсь съ моей дочерью, чрезъ Берлинъ, въ Bad. Elster, въ Саксоніи, на Богемской границѣ, близъ Францисбада. Въ Эльстерѣ мы проведемъ недѣли три и затѣмъ для отдыха послѣ леченія, поѣдемъ, можетъ быть, въ Остѣнде.

Если на обратномъ пути будемъ въ Варшавѣ, то я непременно явлюсь къ вамъ. Очень, очень желалъ бы я съ вами побесѣдовать.

27 Іюня 1894 г.

*) Теперь вышелъ въ печати весь трудъ: „Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. 1610—1910 гг. I томъ. Историческое изслѣдованіе“ (Москва—Варшава, 1910 г., XXIII+610 стр.). Второй томъ, около 700 стран., въ двухъ книгахъ, заключающій въ себѣ документы, рисунки и планы, изданъ ранѣе, въ 1901—1902 гг.

3.

Душевно-почитаемый Дмитрій Владимировичъ.

Примите искреннюю благодарность за дружеское ваше письмо и добрыя вѣсти.

Меня глубоко радуетъ и ободряетъ особенное вниманіе ваше къ начатому мною изданію „Сборника матеріаловъ для исторіи Виленскаго Учебнаго Округа“. Напечатанные матеріалы хотя и доходятъ только до 1807 года, но уже достаточно ясно раскрываютъ побужденія и замыслы Адама Чарторыйскаго и его соумышленниковъ.

Немногіе наши ученые, посвятившіе себя историческому изученію Русско-польскихъ отношеній, затруднены въ своихъ работахъ, во 1-хъ, недостаткомъ у насъ изданныхъ историческихъ матеріаловъ и, во 2-хъ, къ величайшему сожалѣнію, большинство нашихъ ученыхъ вовсе не знаетъ Польскаго языка и, слѣдовательно, Польская историческая литература для нихъ недоступна.

Главное содержаніе этой литературы—возстановленіе Рѣчи-Посполитой, вражда къ Православію и Россіи и стремленіе тайно и явно ей вредить. Тѣмъ необъяснимѣе и непростительнѣе наше невниманіе и равнодушіе къ Польской жизни и культурной дѣятельности.

Поляки хорошо знаютъ Русскій языкъ и Русскую литературу и даже усердно въ ней работаютъ и сбиваютъ насъ съ толку, а мы боимся какъ будто Польскаго языка и Польской книги.

Почти всѣ Поляки знаютъ по-русски, а между Русскими нелегко найти знающаго Польскій языкъ. Знаніе Поляками Русскаго языка и наше невѣжественное пренебреженіе къ языку и литературѣ нашихъ историческихъ враговъ даетъ послѣднимъ огромное преимущество въ культурной борьбѣ и политическихъ козняхъ противъ насъ и даетъ имъ возможность безнаказанно насъ дурачить.

Напрасно мы думаемъ, что знаемъ Мицкевича. О его сочиненіяхъ нельзя судить по немногимъ переводамъ его поэмъ на Русскій языкъ и по заграничнымъ изданіямъ его сочиненій, дозволеннымъ нашею цензурою, изъ которыхъ исключены самыя язвительныя и оскорбительныя клеветы и хулы на все, что особенно дорого и священо для Русскаго чувства и для Русской чести. Если бы Русскіе люди, стоящіе на стражѣ нашей государственной и народной чести, знали все, что Мицкевичъ писалъ и печаталъ о Россіи, то, конечно, наше правительство никогда бы не разрѣшило поставить Мицкевичу на главной улицѣ Варшавы памятникъ, возбуждающій въ Полякахъ и Русскихъ недобрыя чувства, оскорбляющій послѣднихъ и поддерживающій въ первыхъ злобу и ненависть къ Россіи.

Пруссія, для управленія подвластными ей инородцами и иновѣрцами, установила у себя твердо обдуманную и узаконенную государственную систему. Примѣняя эту систему безъ колебаній, твердо и неуклонно, Пруссія приготовила, для умѣлаго и успѣшнаго выполнения, многочисленную школу опытныхъ и знающихъ главныхъ руководителей и низшихъ исполнителей на всѣхъ ступеняхъ іерархической, служебной лѣстницы.

Русское государство, къ сожалѣнію, для управленія инородцами и иновѣрцами, населяющими Привислинскія и Западныя губерніи, по сіе время не выработало и не установило никакой твердо определенной системы управленія. Вслѣдствіе этого, управленіе этими губерніями подвергается безпрестаннымъ колебаніямъ и зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ личныхъ воззрѣній главныхъ мѣстныхъ начальниковъ и высшихъ Петербургскихъ властей. При совершенной непоследовательности, при безпрестанныхъ уклоненіяхъ и отступленіяхъ, никакая школа, для приготовленія надежныхъ и опытныхъ высшихъ и низшихъ администраторовъ, невозможна. Потому-то у насъ и нѣтъ способныхъ государственныхъ людей.

Нынѣ господствующая въ Варшавѣ система уступчивости не удовлетворяетъ Поляковъ, а только напрасно возбуждаетъ ихъ надежды, не заживляетъ, но растравляетъ старыя раны, и, конечно, такая недалеконovidная система не примирить, не успокоить никого.

Моему сборнику актовъ посчастливилось обратиться на себя особенное ваше вниманіе... Министръ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповъ разрѣшилъ мнѣ приступить къ собиранію матеріаловъ и печатанію IV тома историческихъ актовъ Виленскаго Учебнаго Округа. Редакторомъ IV тома будетъ помощникъ начальника Архива Министра Народнаго Просвѣщенія Александръ Сергѣевичъ Раевскій. Онъ горячо и съ увлеченіемъ принялся за собираніе матеріаловъ, и я увѣренъ, что этотъ томъ будетъ заключать въ себѣ любопытнѣйшіе акты. Въ этотъ томъ войдутъ, я полагаю, матеріалы 1812, а можетъ быть даже и 1814 годовъ.

При изданіи IV тома, весьма важно имѣть въ виду ваши указанія и на предшествующіе 3 тома...

Извѣстно ли вамъ изданіе С. В. Шолковича, подъ заглавіемъ „Сборникъ статей, разъясняющихъ Польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи“, выпускъ I-й 1885 года, выпускъ II-й 1887 года. (Вильна, типографія А. В. Сыркина)? Обѣ эти книги заключаютъ въ себѣ замѣчательное собраніе статей Русскихъ и иностранныхъ авторовъ по Русско-польскому вопросу. Въ I-мъ выпускѣ, въ статьѣ подъ загла-

віемъ „За чтò борется Россія съ Поляками“, А. Θ. Гильфердингъ высказываетъ весьма вѣрныя и глубокія мысли по этому жгучему вопросу. Вообще, Сборникъ Шолковича заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ I-мъ выпускѣ помѣщены девятнадцать, а во II-мъ двадцать двѣ статьи *).

Душевно жаль, что за смертью достойнаго С. В. Шолковича изданіе „Сборника“ остановилось на II-мъ выпускѣ. Его слѣдовало бы непремѣнно продолжать.

21 Января 1900 года.

4.

Примите сердечную благодарность за ваши дорогія, дружескія два письма. Искренно признателенъ за сочувствіе и вниманіе къ издаваемому на суммы Министерства Народнаго Просвѣщенія Сборнику матеріаловъ для исторіи Виленскаго Учебнаго Округа. Благосклонный отзывъ, помѣщенный въ № 106 „Московскихъ Вѣдомостей“ о 3 томѣ Сборника, долженъ возбудить интересъ нашихъ ученыхъ людей къ этому изданію.

Преподаваніе въ Университетѣ и школахъ и вся внутренняя переписка производилась въ Виленскомъ Округѣ въ царствованіе императора Александра Павловича исключительно на Польскомъ языкѣ, а Русскій служилъ только для сношеній съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и съ нѣкоторыми Русскими правительственными лицами. Но въ этомъ случаѣ были исключенія, именно: подъ № 359, 1806 года столб. 502, напечатана записка на Французскомъ языкѣ, поданная Императору генераломъ Іезуитскаго ордена Бржозовскимъ; затѣмъ подъ № 260, 1805 г. столб. 31—32, напечатано письмо Чацкого на Польскомъ языкѣ графу Завадовскому.

Любопытно также и отвѣтное письмо Русскаго министра Завадовскаго съ выраженіями какого-то благоговѣйнаго, комическаго преклоненія предъ Чацкимъ. Такіе документы рѣзко характеризуютъ время и людей и господствовавшее тогда въ высшихъ Русскихъ правительственныхъ сферахъ космополитическое направленіе.

Усерднѣйше прошу васъ, глубокопочитаемый Дмитрій Владимировичъ, передать мою живѣйшую благодарность талантливому и достойному вашему слушателю за его весьма сочувственный, тепло и талантливо написанный отзывъ о 3 томѣ Сборника; этотъ отзывъ написанъ такъ живо и интересно, что онъ внушаетъ любопытство и желаніе заняться изученіемъ Сборника.

*) Сборникъ Шолковича издавался на средства И. П. Корнилова.

Отъ всей души желаю молодому ученому блестящихъ успѣховъ на избранномъ имъ поприщѣ. Очень бы желалъ, чтобы онъ посвятилъ себя преимущественно Западно-русской исторіи, спеціальнымъ изученіемъ которой занимаются у насъ, къ сожалѣнію, весьма немногіе, вслѣдствіе чего систематическая ложь и клевета, измышляемая противъ насъ нашими историческими врагами, остаются почти безъ опроверженій и потому принимаются не только иностранцами, но даже и многими Русскими за правду. Грѣшно и стыдно Русскимъ образованнымъ и ученымъ людямъ своимъ молчаніемъ потворствовать лжи, сбивающей съ толка даже осторожныхъ и умныхъ Русскихъ патріотовъ.

Наше молчаніе вредитъ намъ такъ же, какъ ложь и клевета нашихъ злѣйшихъ враговъ, такъ какъ это молчаніе объясняется тѣмъ, что намъ нечего сказать въ свое оправданіе.

27 Апрѣля 1900 г.

5.

Ваше сердечное письмо и дружеское поздравленіе глубоко меня тронули. Примите искреннюю благодарность за душевную радость, которую доставили мнѣ ваши добрыя строки... (Сообщивъ затѣмъ, между прочимъ, о разстроившемся дѣлѣ продолженія изданія имъ Сборника Шолковича, Иванъ Петровичъ продолжалъ): Впрочемъ, я предпринялъ другое также полезное дѣло и уже напечаталъ сборникъ историческихъ матеріаловъ подъ заглавіемъ: „Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ“. Посылаю вамъ вмѣстѣ съ симъ экземпляръ этой книги и прошу обратить на нее благосклонное вниманіе и прочесть предисловіе, въ которомъ изложена цѣль изданія.

Дай вамъ Богъ еще многіе и многіе годы воодушевлять своимъ примѣромъ и живымъ словомъ вашихъ слушателей и готовить для Россіи достойныхъ и просвѣщенныхъ тружениковъ. Великое наше несчастіе въ томъ, что въ нашихъ высшихъ культурныхъ классахъ, руководящихъ судьбою нашего Отечества, мало людей, одушевленныхъ любовью къ своему народу и къ величію и достоинству нашего государства.

12 Апрѣля 1901 года.

Это письмо написано Иваномъ Петровичемъ Корняловымъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины, послѣдовавшей 2-го Іюня 1901 г., въ Петергофѣ. Наиболѣе обстоятельный некрологъ о немъ данъ тогда же въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“.

